

Марина
СЕРОВА

Под знаком Близнецов

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохраниитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Под знаком Близнецов

«ЭКСМО»

2014

Серова М. С.

Под знаком Близнецов / М. С. Серова — «Эксмо»,
2014 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-699-72788-9

О громком убийстве бывшего дипломата Гольцова, произошедшем в его собственном загородном доме, не слышал только глухой. Тем не менее профессиональный телохранитель Евгения Охотникова была удивлена, когда дочь покойного, звезда местного театра, попросила ее взять на себя охрану своих детей-близнецов. По словам Катерины Гольцовой, за их особняком все время кто-то следит, и она опасается: детей могут похитить. Попав в дом, Евгения поняла, что задание не такое простое, как показалось на первый взгляд: напряженная атмосфера в доме; вредные детишки, любимая игра которых – изучение шпионских приемов в бункере убитого недавно дедушки; реальное покушение на детей. Катерина явно что-то скрывала и недоговаривала...

ISBN 978-5-699-72788-9

© Серова М. С., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова Под знаком Близнецов

В этот день, начиная с самого утра, хозяин вел себя не так, как обычно. Во-первых, на утреннюю прогулку своих любимцев повел не сам Человек, а Вонючка – тоже человек, но помоложе хозяина. Вонючкой его прозвали потому, что от него отвратительно пахло бензином – когда хозяин садился в рычащее железное чудовище и уезжал куда-то, Вонючка всегда сидел впереди и крутил круглую штуку с ужасным клаксоном в серединке. Во-вторых, когда Черчилль и Мао подошли поздороваться, как делали каждое утро, Человек не обратил на них никакого внимания: не погладил, не почесал подбородок там, где находится «породистая бородавка», а неподвижно сидел в кресле у окна и таранился на падающий снег.

Жозефина, любимица хозяина, вдобавок привыкшая к трепетному вниманию из-за своего «интересного положения», решила исправить беспорядок и потерлась лобастой головой о коленку Человека – выше она не доставала. Но хозяин рассеянно провел рукой по ее палевой спине – и снова глупо уставился во двор. Ну что за безобразие?

После завтрака – как всегда великолепного: овсянка и отборная говядина – ребята предприняли новую попытку привлечь внимание Человека. Гитлер и Фидель нарочно затеяли драку – знали, что хозяин этого терпеть не может. Он ведь заводчик, а что это за собаки, которые на выставке будут иметь потрепанный вид?! Но и это не помогло.

Только тогда бульдоги догадались, что дело плохо. Они уселись кружком позади хозяина и тихо ждали, когда ему надоест созерцать падающий снег.

Хозяин отошел от окна только к вечеру – за это время бульдоги успели и вздремнуть, и поиграть, и подраться.

– Ах вы, мои детки! – ласково проговорил хозяин, и в его голосе дрожали слезы. Бульдоги забеспокоились – обычно их Человек всегда был таким спокойным и важным, таким солидным, что это с ним?!

– Никому нельзя доверять, ну никому! – вскричал Человек. – Только вам могу верить. Сорок лет на дипломатической службе, все меня уважали, вокруг друзья, родня, любящие дети и внуки... И вот на старости лет понимаю, что не могу доверять никому, кроме моих бульдогов! Ах вы, мои французики! Ну, идите сюда...

Наконец-то хозяин взялся за ум! Собаки поспешили к нему, толкаясь и торопясь подставить голову под ласкающую руку Человека. Ковыляя на подагрических лапках, подошел Ильич – самый старый из питомника. Хозяин поднял его и посадил к себе на колени. Обычно он этого не делал – Ильич здорово линял, и на элегантных брюках хозяина немедленно появился слой шерсти.

Приходили щенки хозяина, стучали в дверь:

– Папа, открой, нам нужно очень серьезно поговорить!

Но хозяин их прогнал, сказал:

– Не желаю ни о чем разговаривать! Неужели я в собственном доме не могу получить немножко покоя?!

Снег за окном превратился в сплошную стену белоснежного пуха. Свет Человек зажигать не стал, так и сидел в темноте. В комнате горел камин, бульдоги пригрелись и уснули. Один Ильич не спал, смотрел в окошко вместе с хозяином.

Что-то стукнуло в окно. Хозяин вздрогнул и поднял голову. С той стороны появилось лицо – выпученные глаза, расплюснутый о стекло нос, словом, нехорошее, страшное лицо.

Хозяин не испугался. Он осторожно, чтобы не потревожить бульдога, приподнялся в кресле и повернул ручку. Рама бесшумно распахнулась, свежий ветер потек в комнату, разогнал теплый застоявшийся воздух.

– Это ты? – поморщившись, спросил Человек своего позднего гостя. – Зачем ты здесь? Мы же обо всем переговорили...

Он не успел закончить фразу. В самой середине его лба вдруг возникла рубиново-красная точка. Пару секунд она дрожала, словно выбирая, куда пристроиться, – и внезапно раздался хлопок, легкий и нестрашный. Голова Человека дернулась назад, и он начал медленно сползать в кресло.

– Нет, отец, нет! – вскрикнул гость, балансируя на самом верху приставленной к дому лестницы. Одно неловкое движение – и лестница повалилась назад, унося ночного гостя в белоснежную тишину сада.

Хлопала створка распахнутого окна. Тихо падали снежинки. Потрескивали дрова в камине. И тут тишину спящего дома прорезал вой Ильича.

По лестнице торопливо простучали каблуки, и кто-то забарабанил в дверь:

– Папа? Папа, открой!

Но Человек не отвечал. Он сидел, откинув седую голову на спинку кресла, и распахнутые глаза его угасающим взглядом смотрели в сад.

И тут к горестному вою Ильича присоединились остальные бульдоги – все восемнадцать. Это был реквием по хозяину.

Глава 1

- Это вас наняла наша мать?
- Вы наш новый охранник? Тогда почему вы женщина?
- Мама обещала вам много денег, да? Вы бедно живете?
- Хотите совет? Лучше сразу откажитесь от этой работы.
- Да, потому что нам не нужна никакая охрана.
- И работать в этом доме мы вам все равно не дадим. Садитесь в свою машину и уезжайте.
- Уезжайте прямо сейчас. Так будет лучше для всех.

Они выскочили из засады как-то очень неожиданно, и я не успела подготовиться к их появлению. Подкрались они на редкость технично, ничего не скажешь – ни шороха одежды, ни скрипа дверей... В общем, молодцы ребята. Но ведь на их стороне было преимущество – они прожили в этом доме всю свою жизнь и знали каждую скрипучую половицу, а я была здесь впервые.

Двое детей – мальчик и девочка, на вид лет десяти. Судя по поразительному сходству, близнецы. Очень хорошенькие – черные блестящие волосы, синие глаза и фарфорово-белая кожа, еще не тронутая подростковыми проблемами. Дорого и красиво одеты – что ж, их любящие родители могут себе такое позволить. Дети выпрыгнули из-за гигантского декоративного дерева и напали на меня с агрессивными вопросами. Работали они слаженно, как отлично сыгранная команда.

Я улыбнулась:

- Привет! Я тоже рада вас видеть. Ну, и как же вас зовут?

Они переглянулись, словно обменялись телепатическими сигналами, и мальчик театрально закатил глаза:

- Ну вот, начинается!

Девочка вздохнула, словно стареющая актриса, утомленная вниманием публики и журналистов:

– Хотите, скажу, какой вопрос вы зададите следующим? Вы спросите, сколько нам лет. Затем поинтересуетесь, в каком классе мы учимся. Потом – в какой школе. Дальше вы зададите вопрос, какой из школьных предметов – наш любимый. Когда мы ответим, что это технология, вы очень удивитесь.

- Почему?! – успела вставить я.

Девочка на мгновение сбилась и вопросительно взглянула на брата, словно прося помощи. Тот подхватил падающее знамя из ослабевших рук сестры и ринулся в атаку.

- Что – почему? – вступил в разговор мальчик.
- Почему я должна удивиться?

Близнецы переглянулись и одновременно пожали плечами. Жест получился таким синхронным, что я задумалась – дети репетируют свои трюки перед зеркалом или действительно действуют как одно существо?

– Потому что вы старая, – вежливо пояснил мальчик. – И в те времена, когда вы учились в школе, такого предмета еще не было. Вернее, был, но он назывался «труд». Нам Васька рассказывал. Это во-первых. А во-вторых, все почему-то не могут поверить, что мы умеем работать руками. Все думают, что мы должны на фортепиано играть. В крайнем случае на скрипке.

– Думаю, все дело в том, что мы необыкновенно привлекательны физически. Людям с такой внешностью труднее, чем всем остальным, – спокойно сообщила мне девочка.

Я смотрела во все глаза.

С детьми я сталкиваюсь не так уж часто, но всегда как-то сразу нахожу с ними общий язык. То есть находила до сегодняшнего дня... Боюсь, с этой парочкой десятилетних эгоцен-

триков мне придется непросто. Может, вообще отказаться? Ну, зачем мне это нужно – трепать себе нервы, ежедневно упражняясь в остроумии и пытаюсь перебороть огрехи чужого воспитания? Сяду в свой любимый «Фольксваген», какой-то час – и я дома. Давно хотела пересмотреть старые фильмы Чжана Имоу – в Китае так красиво падает снег, ну, совершенно как у нас в Тарасове... Долго валяться на диване мне не придется – у меня отличная репутация и полно заказов. Можно даже сказать, что я, Женя Охотникова, в городе нарасхват – как подарки перед Новым годом. Кстати, до этого счастливого события остается ровно три дня. И все торговые центры нашего города заполнены родителями с детишками.

Я хорошо отношусь к детям. Они – цветы жизни, наше будущее и так далее. Но когда я вижу, как мамаша тащит за собой извивающееся чадо, а оно размазывает по личику слезы и сопли и истошно голосит: «Купи! Ну, купи!» – мне становится не по себе.

Детская психология для меня загадка. Я разбираюсь в психологии маньяков – в моем необычном учебном заведении был и такой спецкурс, умею обращаться с алкоголиками, наркоманами и склонными к суициду подростками. Но дети...

Нет, пожалуй, я откажусь от этого задания. Охранять парочку избалованных детишек – не самый приятный способ встретить Новый год. А ведь давно известно – как его встретишь, так и проведешь...

Стоп! Охотникова, что ты делаешь?! Сесть в машину и уехать домой, отказаться от работы – это ведь именно то, чего добиваются близнецы!

Конечно, этот год был для меня трудным. Одно только «дело доверчивого дятла» стоило мне огромного количества нервных клеток, не считая сломанного мизинца на правой руке. К концу года накопилась усталость, хочется бросить все и уехать... к примеру, во Вьетнам! Почему бы и нет? Я работаю сама на себя, начальства надо мною никакого. Захочу – и устрою себе ма-а-аленькие каникулы...

Но сначала я выполню эту работу. Милые детки напоминают мне персонажей какого-то фильма... Вспомнила! «Проклятие деревни Миддвич!» Там, помнится, были похожие ангелочки с синими глазами, а впоследствии оказалось, что они – дети инопланетян, и главному герою пришлось изрядно повозиться, чтобы управиться с такой оравой...

– Спасибо за заботу, – сказала я близнецам, – но мне придется вас разочаровать.

Детишки синхронно приподняли брови – следует признаться, очень красивые, точно выведенные кисточкой китайского мастера. Вообще-то обычно я разговариваю с детьми совсем по-другому, но эти... В общем, они первые начали.

– Я вовсе не собираюсь уезжать. Напротив. Я принимаю предложение вашей мамы. Так что на ближайшие четырнадцать дней я – ваш новый телохранитель!

Близнецы переглянулись, одновременно пожали плечиками, словно удивляясь моей тупости, и, кажется, собирались сказать что-то язвительное... Но тут распахнулась дверь, и в комнату стремительно вошла высокая женщина лет тридцати с длинными черными волосами. Гладкая прическа и челка делали ее похожей на Мортишу Адамс из знаменитого фильма. Женщина окинула нашу компанию быстрым взглядом и улыбнулась, демонстрируя великолепную работу дорогого дантиста:

– Вижу, вы уже познакомились? Отлично! Вот, Евгения, это и есть ваши подопечные – Антон и Аня. Надеюсь, вы быстро найдете общий язык. Дети, быстро в свою комнату! Евгения, пойдете со мной.

– А я-то как надеюсь, – себе под нос пробормотала я.

Женщина, которую звали Катерина, шагала, как Петр Первый на строительстве Санкт-Петербурга, по дороге подбирая всех, кого встретила на своем пути, – похожую на мышь девушку в кружевном переднике (очевидно, горничную), худого парня в камуфляже и берцах, толстую белую кошку...

Наше стремительное движение завершилось в кабинете – стильной комнате, отделанной дубовыми панелями. Ковер на полу был дорогим и явно старинным, а паркет под ним – так и вообще выше всяческих похвал. Письменный стол карельской березы, на нем компьютер, удобное кресло... Интересно, зачем Катерине Гольцовой нужен кабинет? Для каких, скажите, целей? Насколько я знаю, моя будущая работодательница – актриса местного драматического театра. А ее муж – режиссер того же театра. В старинных романах женщины удалялись в кабинет для того, чтобы писать письма. Возможно, Катерина тоже ведет обширную переписку, только по электронной почте. Или, что тоже весьма вероятно, скрывается в кабинете от своих очаровательных деток.

– Маша, кофе нам, и побыстрее! – скомандовала Катерина. Похожая на мышь девушка присела, изобразив нечто, напоминающее книксен, и испарилась.

– Глебушка, садись, не стой столбом! – материнским тоном обратилась госпожа Гольцова к парню в камуфляже. – Да и вы присаживайтесь, Женя. Ничего, что я так попросту?

Несмотря на повадки матушки-императрицы, Катерина была мне симпатична. Так что я сразу же решила про себя, что выбираю «вариант номер два», и кивнула:

– Да, нормально.

Я работаю телохранителем довольно давно – с тех самых пор, как поселилась в провинциальном Тарасове. Вообще-то в моем дипломе значится «референт-переводчик широкого профиля», но, с тех пор как я окончила вуз, профиль моей работы расширился настолько, что порой сама удивляюсь. Я окончила необычное учебное заведение – Ворошиловский институт. Этот вуз был создан специально для дочерей высокопоставленных военных и чиновников высокого ранга. Считалось, что наше учебное заведение готовит переводчиц, но в программу входили, к примеру, такие необычные предметы, как вербовка, шифровальное дело, методы ведения допроса и еще многое другое, столь же интересное.

Мой отец, генерал Охотников, пристроил меня в этот необычный вуз после долгих раздумий о моем будущем. Мне было семнадцать, к этому моменту я успела с серебряной медалью окончить школу, прыгнуть с парашютом, влюбиться в красавца-подводника, выучить несколько иностранных языков. Мои юные глаза жадно обшаривали окрестности в поисках интересных занятий, и папа понял, что пора поместить чадо в безопасное место. Таким местом и стал Ворошиловский институт. Папа напряг свои старые связи, и я отправилась в Москву. Строгая дисциплина, никаких красавцев-подводников, только учеба с утра до ночи. К третьему курсу я начала скучать и задумываться, а нужна ли мне вся эта криптография и «психокоррекция собеседника». Не знаю, каких глупостей я успела бы натворить (как раз в этот момент сын консула ЮАР, обучавшийся в МГУ, предложил мне выйти за него замуж), но тут появился полковник Анисимов.

Несколько девушек с моего курса получили предложение пройти дополнительное обучение в группе «Сигма», с тем чтобы после окончания Ворошиловки начать там работу. Предложение получили двенадцать человек. Тесты прошли восемь. До конца обучения продержались трое – моя подруга Амалия, еще одна девушка, которую я называю исключительно Коллега (сейчас она сотрудник Интерпола), и я, Женя Охотникова.

Обучение в «Сигме» было настоящим испытанием – именно там я научилась обезвреживать (и устанавливать, кстати) взрывные устройства, водить любой транспорт и обезоруживать противника раза в четыре тяжелее себя. И приобрела множество других полезных навыков, которые использую в своей работе... А потом я стала бойцом «Сигмы» и следующие несколько лет провела, освобождая заложников, проводя спецоперации в «горячих точках». Работа давала мне уверенность в том, что я делаю важное дело, служу своей стране и помогаю людям... Но постепенно я начала понимать, что нашу группу используют в своих целях нечистоплотные сильные мира сего: нашими руками решают проблемы, которые должны решаться цивилизованными методами. Самоубийство полковника Анисимова стало последней каплей.

Полковник был человеком чести, сейчас такие встречаются редко... Я оставила службу, разорвала все связи с прошлой жизнью и уехала в провинциальный Тарасов, где проживала тетушка Мила, сестра моего отца.

Мила была одинока и с радостью приняла меня. Теперь у меня наконец-то появился дом, семья. С отцом я не поддерживаю никаких контактов – в день похорон моей матери папа заявил мне, что скоро снова женится, что у него давно уже другая семья. Больше я ни разу не бывала во Владивостоке, откуда я родом. Теперь мой дом – провинциальный уютный Тарасов...

Так вот, когда я только начинала работать телохранителем, я вполне успешно справлялась с охраной клиента и нейтрализацией его врагов. (Вообще-то нормальный телохранитель такого делать не должен, но почему-то всякий раз получается, что мне приходится брать на себя еще и эти задачи.) Самым трудным для меня оказалось привыкнуть к тому, как относятся ко мне люди, которые доверяют мне свою жизнь.

Для меня стало шоком, когда одна дамочка обратилась ко мне: «Эй, киска!» Теперь я отношусь к подобным клиентам с юмором, но тогда... В последнее время я даже коллекционирую подобные «перлы». В моей коллекции уже есть «Милочка», «Как вас там», «Женька»... Конечно, никто не обращается так ко мне больше одного раза. Я взяла за правило сразу же ставить клиентов в деловые рамки. Никаких «кисок», разумеется. Только «Евгения» или в крайнем случае «Женя». Я не требую называть меня по имени и отчеству – «Евгения Максимова» звучит чересчур длинно, а в моей работе бывают ситуации, когда лишние секунды могут стоить жизни...

В общем, сейчас я использую всего два варианта отношений с клиентами. Вариант номер один предполагает чисто деловые отношения. Никаких близких контактов, никаких разговоров о личном, только работа. Признаюсь, я люблю этот вариант больше всего – он не требует психологических затрат.

Вариант номер два – это когда клиент зовет тебя по имени, предлагает тапочки, рассказывает о своем первом сексуальном опыте и о болезнях своей кошки. В общем, видит во мне члена семьи. Чаще всего этот вариант выбирают женщины с детьми или люди пожилые (до сих пор с дрожью вспоминаю бабушку одного местного мафиози, которую я в прошлом году сопровождала в Сан-Тропе).

Существует еще вариант номер три. Это близкие отношения с клиентом. Очень близкие. В самом начале моей карьеры мне приходилось применять его для разных целей. Иногда – чтобы вызвать доверие клиента. Порой для того, чтобы вытянуть из него жизненно важную информацию. В «Сигме» нас учили использовать свое тело как оружие, а секс – один из самых сильных методов воздействия на человека... Но я давно уже не использовала третий вариант и ничуть о том не жалею.

В последнее время я все больше привыкаю к той жизни, которую принято называть «нормальной». Я не прыгаю с парашютом, не обезвреживаю мины-ловушки, не ломаю гортань ударом ребра ладони... Я мирно живу вдвоем с тетушкой, у меня даже появилось хобби – мировое кино, я предпочитаю арт-хаусные ленты лучших режиссеров, но не брезгую и качественными боевиками. Да и работа моя состоит в том, чтобы защищать людей. Давно не случалось, чтобы жизни моего клиента угрожала реальная опасность. Чаще всего угроза существует в сознании клиента, и более нигде. Состоятельным людям всегда есть чего опасаться. Им хочется почувствовать себя «как за каменной стеной». И они готовы платить за это неплохие деньги. Ну, вот я и есть та самая каменная стена... Или иллюзия таковой. Главное, что клиент получает гарантию безопасности. А то, что поездка прошла удачно и никто не угрожал его жизни, – так ведь это же здорово, именно за это мне и платят, верно?

Недавно я сопровождала юную дочь местного олигарха на шопинг в Милан. Теперь вот мне вообще предстоит охранять детишек...

– Все нормально, – повторила я. – Вы вполне можете называть меня Женей.

Катерина уселась за стол, в компьютерное кресло модели «босс». Замечательная штука, кстати! Дарит ощущение превосходства над собеседником, а также чувство защищенности и психологический комфорт. Я устроилась в кресле напротив, а парень в камуфляже – Глебушка – на кожаном диване.

Катерина погладила толстую белую кошку, которая удобно свернулась на коленях хозяйки и немедленно погрузилась в крепкий здоровый сон.

– Никогда не думала, что моим детям понадобится охрана! – пожаловалась мне госпожа Гольцова и тяжело вздохнула.

– Пожалуйста, расскажите мне все с самого начала! – поспешно вставила я. Немногие люди умеют изложить свои проблемы ясно и четко, не отвлекаясь на постороннее, как то: вздохи, жалобы на жизнь и истории из биографии родственников.

– Дело в том, что мой отец... – начала Гольцова.

Я вздохнула про себя, смиренно сложила руки, как ученица института благородных девиц, и приготовилась слушать. Но, к моему удивлению, Катерина не стала углубляться в дебри семейной истории. Она точно, кратко и внятно изложила события, которые произошли в ее семье за последнее время.

– Мой отец, Иван Константинович Гольцов, был дипломатом. Долгие годы он проработал в посольствах разных стран, потом вышел на пенсию и поселился здесь, в Тарасове. Месяц назад моего отца убили.

Катерина выпрямилась в кресле. Губы ее сжались, но глаза остались сухими.

– Полиция так и не нашла преступника. В ту ночь шел снег...

– Как это случилось? – заинтересовалась я. В таком мирном месте – и вдруг убийство? Да еще огнестрел?!

– Преступник каким-то образом пробрался в сад, подтащил лестницу садовника к окну папиной спальни – она на втором этаже – и застрелил отца. Оружие у него было с глушителем, так что выстрела никто из нас не слышал. Если бы не завыли собаки, мы ни о чем бы не узнали до самого утра...

Катерина остановившимся взглядом смотрела в заснеженный сад. Рука женщины машинально поглаживала кошачью шерсть, но мысли ее явно были далеко. Так, придется кое-что прояснить...

– Почему вы мне об этом рассказываете? – напрямик спросила я. – Вы хотите, чтобы я охраняла ваших близнецов или чтобы расследовала убийство?

Катерина вздрогнула и посмотрела на меня:

– Нет, что вы такое говорите! Ни о каком расследовании и речи не идет... Наша задача – защитить детей.

– От кого? У вас есть какие-то подозрения, кто именно причастен к смерти вашего отца, а теперь еще и угрожает безопасности детей?

Катерина горько усмехнулась:

– Полицейские сообщили мне, что отца застрелил случайный грабитель. Дескать, польстился на то, что в таком особняке найдется чем поживиться... Сами видите – наш дом стоит очень уединенно. Отец любил тишину и не выносил чужого присутствия.

– Скажите, в ночь убийства что-нибудь пропало?

– В том-то и дело, что ровным счетом ничего! У отца на письменном столе стояли всякие безделушки, некоторые – довольно ценные. Он держал в ящике письменного стола крупные суммы наличными. Полицейские сказали, что кто-то мог проведать об этом...

– Я вижу, в вашем доме есть горничная, шофер, очевидно, повар...

– Помощники по хозяйству, – кивнула Катерина.

– Скажите, вы полностью доверяете этим людям?

За дверью что-то упало с оглушительным звоном. Парень в камуфляже подскочил к двери и распахнул ее. Нашим взорам предстала горничная Маша. Девушка прижимала к груди пустой поднос. А все его содержимое – чашки, чайник, сахарница – грудой черепков валялось на полу.

– Извините, Катерина Ивановна, – пискнула Маша. – На Гитлера наступила. Опять он, злодей, в темноте затаился, ну, я и не заметила... Я сейчас все быстренько уберу!

– Какая вы, Маша, неловкая! – с досадой проговорила Катерина. – Ведь знаете же, что Гитлер где-то в засаде!

Я слушала этот диалог и прикидывала, кто из присутствующих слегка не в своем уме. Но тут загадка разъяснилась – в кабинет, припадая на кривоватые лапы, вкатился черно-белый бульдог. Черное пятно на его морде располагалось таким образом, что действительно напоминало усы диктатора.

Бульдог ловко обошел Машу, которая попыталась его схватить, и направился ко мне. Подошел, встал на задние лапы, а передние поставил мне на колени и заглянул в лицо. Глаза у собаки были умные и очень грустные.

– Фу, Гитлер, фу! Плохая собака! – прикрикнула на него Катерина. – Вы уж простите его, со дня смерти папы он сам не свой. Да и остальные тоже... Все ходят, ищут его...

Тут Катерина наконец-то заплакала. Пока она утирала слезы платком, белая кошка аккуратно переместилась с колен хозяйки на книжные полки – поближе к потолку. Но бульдог не обратил на кошку ни малейшего внимания. Я почесала Гитлера за ухом. Он вздохнул и отошел в угол, улегся там, положив морду на лапы, и затих.

– И сколько у вас собак? – спросила я, заинтересовавшись фразой «да и остальные тоже».

– В-в-восемнадцать! – сильно заикаясь, ответил парень в камуфляже. – Иван К-К-константинович очень люб-бил соб-бак. Именно французских б-б-бульдогов. Самого первого он привез еще из-за г-границы в в-восемьдесят шестом г-г-году!

– И ничего не восемнадцать! Напрасно вы, Глеб, встречаете в разговор! – Слезы у Катерины мгновенно высохли. Очевидно, Гольцова принадлежала к числу тех властных женщин, которые не терпят, когда кто-то берет на себя инициативу. Катерина хотела сама управлять всем на свете – и разговором в том числе. – Вы прекрасно знаете, что бульдогов у нас девятнадцать.

Глеб смутился и попытался принять непринужденную позу, но, сидя на мягком диване, сделать это было трудновато, так что парень попросту задергался, как кузнечик. Лицо его перекошил нервный тик. Похоже, у Глеба проблемы со здоровьем. Камуфляж и берцы наводили на мысль, что Глебушка служит в доме охранником. Неужели Катерина Гольцова, которая производит впечатление не просто здравомыслящей, но весьма практичной женщины, доверяет безопасность своей семье этому парню?!

Маша все еще возилась на пороге кабинета, собирая черепки, поэтому я решила не возвращаться к вопросу о виновности обслуживающего персонала, а оставить его на потом. Вместо этого я спросила:

– Скажите, Катерина Ивановна, что конкретно вас беспокоит? Что вынуждает вас нанять охрану?

– Да-да, – спохватилась Гольцова. – Я же не успела рассказать вам! В день похорон папы в наш дом проникли какие-то люди. Дождались, когда мы все уехали на кладбище, и влезли через гараж. Разбили стекло, сигнализация сработала, но дома никого не было. И эти негодяи несколько часов обшаривали дом. Я едва не упала в обморок, когда вернулась с поминок! Вся мебель передвинута, подушки испорчены, по дому летает пух... Даже книги в библиотеке сбросили с полок! Настоящие варвары!

Я задумалась. Картина, которую описала мне Катерина, очень напоминала типичную ситуацию... Но я слишком мало знаю об этой семье, к тому же меня собираются нанять вовсе не для того, чтобы я расследовала ограбления и тем более убийства. Пусть этим полиция зани-

мается! Хотя вор, вооруженный пистолетом с глушителем, – это высокий класс! Такого я еще не слышала...

– Д-д-да! И еще б-б-бульдоги выли, как н-ненормальные! – не удержался Глеб. – Они б-были заперты в к-комнате в-внизу.

Катерина зыркнула на парня грозным взглядом, но промолчала.

– И что же похитили эти грабители? – поинтересовалась я.

– Да ничего особенного, немного столового серебра, часы старинные, папин портсигар с камнями... Стоило из-за этого лезть в дом! Наверное, искали деньги, но не нашли.

Серебро, часы, портсигар... Странный набор. Ну да ладно.

– И что же случилось потом?

– С тех самых пор, – вздохнула Катерина, – вокруг дома постоянно крутятся какие-то темные личности. То кто-то бродит по саду, то шофер едва не сбил человека, который зачем-то прятался за гаражом. В общем, я беспокоюсь за детей. Я не могу отлучиться из дома, постоянно думаю, как они там. В общем, мне порекомендовали вас. Говорят, в Тарасове вы – лучшая.

Да, госпожа Гольцова явно из тех, кто привык выбирать все самое лучшее, первоклассное.

– В принципе я согласна, – сказала я. Работа в этом доме после рассказа Катерины выглядела куда более интересной, чем на первый взгляд. Многовато тайн, но ничего – разберемся...

– Очень рада! – улыбнулась Гольцова. – Честно говоря, я не была уверена, что вы согласитесь. Виолетта мне рассказала, как вы помогли ее мужу в сложной ситуации. Ужас какой – стрельба, погони... Я подумала, что вы эдакая мужеподобная дама и мои дети вас испугаются... А они сразу нашли с вами общий язык! Я так рада!

Да, госпожа Гольцова – далеко не первый из моих клиентов, который застывает с открытым ртом при виде Жени Охотниковой. Почему-то все думают, что женщина-телохранитель выглядит как тюремная надзирательница в голливудском фильме – квадратная, мужеподобная и вдобавок лесбиянка. Это сегодня я еще одета подчеркнуто строго, брюки со стрелкой и белая блузка – специально в расчете на то, чтобы выглядеть как классный руководитель. Иногда моя работа требует, чтобы я выглядела максимально соблазнительно. Впрочем, Катерине лучше не знать об этом... Проясним напоследок один принципиальный вопрос:

– В чем конкретно будут заключаться мои обязанности?

Катерина начала перечислять:

– По утрам необходимо сопровождать Аню и Антона в школу. До двух часов дня вы свободны – в школе хорошая охрана. Потом детей необходимо забрать, привезти домой. То есть повезет их, конечно, шофер, а вы будете сопровождать. К четырем Аня едет в музыкальную школу, а Антоша – на плавание. В семь дети должны быть дома – у них ужин и занятия с частным педагогом. Перед сном – прогулка по участку. В десять – сон. Вот и все. Несложно, правда?

На первый взгляд все выглядело действительно просто.

– Скажите, кто постоянно проживает в доме?

– Ну, прежде всего мы с мужем и дети. Еще Глебушка и Маша – она работает без выходных, зато потом берет отпуск и уезжает в свою деревню. Помощники по хозяйству приходят по утрам и уходят вечером. Это шофер Семен Степанович, повариха Надя, садовник Альберт Николаевич. Кажется, я никого не забыла. Ну, еще, конечно, собаки. Их вы встретите повсюду, – и Гольцова засмеялась.

Мы обсудили вопрос оплаты – Катерина согласилась не торгуясь, а напоследок я задала самый важный вопрос:

– Скажите, Катерина Ивановна, почему вы нанимаете меня ровно на четырнадцать дней?

– Катя, просто Катя, – поправила меня Гольцова. – Я еще не в том возрасте, чтобы называть меня по имени-отчеству... Что вы спросили, Женя?

– Я спросила, что произойдет через четырнадцать дней? Вы намерены в течение этого времени разобраться с вашими проблемами? Каким-то образом устранить угрозу безопасности ваших детей?

Честно говоря, я не очень-то поверила рассказу о том, что Катерина знать не знает и ведать не ведает, какие такие плохие дяди регулярно вламываются в ее особняк. За время работы телохранителем я уяснила одну простую истину – чаще всего клиенты прекрасно осведомлены, кто является источником их проблем. Мало того, чаще всего они хорошо знакомы с этим человеком. В девяти случаях из десяти они когда-то вели общие дела, а потом что-то не поделили. Вот как бывает чаще всего...

Гольцова расхохоталась:

– Не знаю, Женя, что вы подумали, но объяснение самое простое. Дело в том, что мы всей семьей уезжаем за границу. У нас уже готовы загранпаспорта, ждем только визы. А они будут готовы через две недели. Вот поэтому мы нуждаемся в ваших услугах именно на этот срок.

Что ж, действительно, все очень просто. Я встала:

– Я готова приступить к работе.

– Отлично! – Катерина поднялась, и белая кошка немедленно прыгнула к ней на плечо. – Можете начать прямо с завтрашнего дня. Завтра как раз понедельник.

– Я бы хотела начать сегодня. Мне необходимо осмотреть дом, изучить его планировку, узнать, какие меры безопасности вы предприняли – камеры, сигнализация... Завтра, когда со мной будут дети, я не смогу отвлекаться. К завтрашнему дню я должна все это знать.

– Конечно, как скажете. Глебушка вам поможет. Покажи Жене дом, ладно? А мне пора – у меня сегодня вечерний спектакль. Ну, всего хорошего!

И Катерина вышла из кабинета. Бульдог по кличке Гитлер встал и укувылял вслед за хозяйкой.

– П-пойдемте, Женя, я вам все п-покажу, – сказал Глеб.

– Слушайте, Глеб, а чем вы занимаетесь? – спросила я, спускаясь по лестнице вслед за парнем.

Тот остановился и удивленно уставился на меня:

– К-катерина Ивановна разве не с-сказала? Я охранник.

Так я и думала! Глеб хромает – это видно невооруженным глазом. Интересно, почему на такой должности в этом доме держат инвалида? Какие-то особые заслуги перед семьей? Родственные связи?

Мне необходимо было многое узнать – к примеру, кто из слуг постоянно проживает в доме, а кто на ночь уезжает домой? Чем обычно заняты его обитатели? Как проходит среднестатистический день в семье Гольцовых? Что же все-таки произошло в ночь смерти отставного дипломата?

Глебушка выглядел достаточно простодушным для того, чтобы выложить мне все тайны этой семьи. Но я подумала, как сложно будет парню все это излагать, а мне продираться через его заикание... и решила поискать другой источник информации. Вот, к примеру, горничная Маша выглядела весьма многообещающе.

Глеб повел меня на первый этаж, где в маленькой комнате помещались мониторы и пульт охраны. Мужчина с гордостью продемонстрировал мне оборудование. Я вздохнула. Все это было последним словом охранной техники, но парень совершенно не умел с ней обращаться. К примеру, он нацарапал прямо под кнопками: «Ворота», «Гараж» и тому подобное. Очень удобно, в том числе и для грабителей.

Похоже, придется провести инструктаж по технике безопасности. Больше всего на свете я не люблю учить людей тому, как им выполнять их работу. И почему-то вечно мне приходится этим заниматься...

Глеб как раз объяснял мне, как именно подается картинка с мониторов. Надо сказать, система была довольно мощная. Меня несколько удивило то, что на камерах просматривался практически весь дом. Даже такие помещения, как кухня и кладовая. Обычно люди ограничиваются наблюдением за коридорами, входной дверью, входами в подвал и на чердак, а также внешними камерами. Здесь под наблюдением был каждый метр жилого пространства. К примеру, одна камера передавала картинку из комнаты, которая явно была спальней хозяев. Широкая кровать, огромный телевизор, навороченная музыкальная система с колонками во всю стену... Ничего себе! Что же, Глебушка в курсе всего, что происходит в доме, точно евнух в гареме? Или он все-таки отключает камеры на ночь? Мое внимание привлекла странная комната на первом этаже. Там не было никакой мебели – только какие-то матрасики на полу. Миски с водой по углам не оставляли сомнений, что именно здесь проживают девятнадцать бульдогов.

– Это б-бульдожья, – сообщил мне Глеб. – Хозяин отвел им лучшую комнату в доме. Там в первой половине дня всегда солнечно. К-когда родились дети, К-катерина Ивановна предложила устроить там детскую. Но Иван К-константинович отказался!

В голосе Глеба звучала гордость, а вовсе не осуждение.

– Скажите, Глеб, а вы давно работаете в этом доме?

– Д-давно. – И охранник повел меня дальше, явно не желая вдаваться в подробности.

Первый бульдог попался мне у входной двери. Тигрового окраса, довольно толстенький, похожий на дружелюбную жабу. Мне показалось, что он улыбается.

– Это Герцог Мальборо. Смотрите не наступите, он любит в-валяться где п-попало.

Следующей была компания из трех черно-белых особей, которые рядком сидели на площадке между первым и вторым этажами. Выглядели они так, будто прямо сейчас примутся петь хором.

– Жутко умные т-твари! – сообщил мне Глеб. – Хозяин с ними постоянно разг-говаривал. Они бы давно заговорили сами, если бы их п-пасти п-позволяли...

Я взглянула на бульдогов повнимательнее. Действительно, собаки выглядели удивительно умными.

– Скучаете по хозяину? – тихо спросила я, проходя мимо. Они переглянулись и вильнули короткими хвостами.

На первом этаже помещались комната охраны, кухня и столовая, а еще неплохой тренажерный зал. Кроме того, здесь проживали Глеб и Маша, а также девятнадцать французских бульдогов. На втором, располагались комнаты детей, гостиная, хозяйская спальня, кабинет Катерины, две гостевых спальни и комната загадочного вида, именуемая «музыкальный салон». В одной из гостевых мне предстояло поселиться. Кроме того, на втором этаже имелась комната покойного Ивана Константиновича, закрытая на ключ.

К дому примыкал гараж на три машины, в подвале был тренажерный зал. Спускаться туда я не стала. В отдалении стоял сарай, больше всего похожий на конюшню.

– Что это там у вас? – спросила я Глеба.

– Раньше, давно еще, Иван К-Константинович держал там д-двух лошадей, – с гордостью сообщил мне охранник. – А т-теперь там летом живут б-бульдоги. Ну, и садовник хранит свои инструменты.

Я попросила Глеба показать мне гараж. Там стояла всего одна машина – «Фольксваген Туарег», не новый, но в отличном состоянии. Очевидно, это была машина покойного дипломата.

– К-катерина Ивановна сама водит, – сообщил мне охранник, – у нее «Тойота Королла», желтая такая. А М-макар Светозарович ездит на «П-паджеро».

– Кто такой Макар Светозарович?

Глебушка вытаращил глаза:

– Как это? Макар Светозарович – муж Катерины Ивановны.

Ага, вот, значит, как. Не «хозяин дома», не «господин Гольцов», а просто муж Катерины Ивановны... Запомним.

Садовника мы обнаружили в сарае. Что он там делал, я не поняла – сезон посадки-обрезки и сбора урожая давно закончился, сад мирно дремал под толстым слоем снега. Звали садовника Альберт Николаевич, лет ему было за шестьдесят, и более всего он походил не на садовника, а на музыканта – скажем, из симфонического оркестра. У Альберта Николаевича были изящные руки, тонкие пальцы, на ногах лакированные остроносые ботинки, в народе называемые штиблетами. Садовник был одет в джемпер грубой вязки и белоснежную рубашку. Стрелками на его брюках можно было резать хлеб, а горло садовника было замотано шарфиком. Шелковым. Лилового цвета.

И этот человек занимается садом и ухаживает за собаками?!

Глебушка познакомил нас. Альберт Николаевич поклонился – слегка церемонно, но вполне привычно. Кажется, садовнику была свойственна манера поведения петербургского интеллигента времен Первой мировой войны. А такие ухоженные седоватые усы я видела только в кино про белогвардейцев. Садовник окинул меня быстрым и вполне мужским взглядом. Ого! Да он, кажется, записной дамский угодник!

Следующим, с кем я познакомилась, был шофер. Семен Степанович, или по-домашнему просто Степаныч, был толстым мужичком с одышкой. Интересно, как он с таким пузом помещается под днищем машины? Да ему свечи заменить и то проблема...

– Семен Степанович, это вы завтра утром повезете Аню и Антона в школу? – спросила я, раздумывая, как лучше спланировать завтрашнюю поездку.

– А то кто же? – улыбнулся шофер. – Я каждый день их вожу. И на танцы, и в бассейн, и на музыку. Да зовите меня просто Степаныч, – разрешил шофер. – Меня все так зовут.

Степаныч шумно одобрил мое появление в доме:

– Правильно, как же без охраны в такое время! Иван Константинович обязательно при себе охрану держал! Я Катерине Ивановне давно говорил – за детишками глаз нужен! Во всем должен быть порядок.

И шофер, громко пыхтя и отдуваясь, полез за руль.

Повариха Надя оказалась не добродушной пышечкой с румяными щеками, какими обычно бывают поварихи, подавальщицы и вообще те, кто имеет дело с пищей, а старой девой анорексичного вида. Все, решительно все в этом доме выглядели не так, как должно быть! Одетая в белоснежный форменный костюм – точь-в-точь такие носят медсестры, ассистирующие хирургам, – Надя бодро шуровала на кухне.

Глеб объяснил, кто я такая. Мне показалось, что он побаивается повариху. Надя поправила белый поварский колпак, поджала тонкие губы и сообщила, что у нее полно работы. Я намеки понимаю, поэтому мы с Глебом не стали задерживаться на кухне.

– Ну, вот вы со всеми п-познакомились, – сказал охранник. – Куда д-дальше?

– Покажите мне ваш охранный пульт, – попросила я.

– Д-да вы уже смотрели! – удивился Глеб.

– Ничего, еще раз посмотрю.

Глеб довольно неохотно повел меня в свои владения. Я заметила, что комнатка охранника – вполне обжитое пространство. На столике рядом с мониторами стояла чашка с остатками заварки и лежал надкусанный пирожок, а за один из мониторов был заткнут пухлый растрепанный роман в мягкой обложке. Я бросила быстрый взгляд на название: «Смерть спецназовца». Ладно, придется отучить парня читать на рабочем месте...

Я еще раз посмотрела, какие объекты просматриваются с мониторов. Сейчас меня больше интересовали камеры снаружи дома. Так, эта держит входную дверь, эта – шесть окон на фасаде... Отличное качество изображения – должно быть, дорогая техника и почти новая...

А вот эта камера осматривает заднюю дверь и три окна над ней. Еще одна передает картинку с крыши. Отлично просматривается каминная труба.

– Глеб, у вас стоят датчики на трубе? – не отрываясь от монитора, спросила я.

– Да я не знаю, – спокойно ответил охранник.

Я вытаращила глаза:

– Как это – «не знаю»?!

– Ну, тут все системы ставили еще до меня. Я всего год работаю у Катерины Ивановны.

А у Ивана Константиновича был другой охранник, свой.

– И где он сейчас? Мне бы поговорить с кем-то, кто знает, как тут все устроено. Можете его найти?

– Не-е! – как-то криво ухмыльнулся Глеб.

– Почему? – Я почувствовала, что начинаю злиться. Что за страна! Постоянно, на каждом шагу приходится преодолевать чью-то тупость и тратить время на борьбу с чьей-то некомпетентностью. Тучные шоферы, глупые охранники... про чиновников я вообще молчу!

– Так помер он, – просто ответил Глебушка.

Та-ак! Значит, мой предшественник погиб на своем посту. Интересно...

– Что, тоже застрелили? – сочувственно спросила я.

– Нет, он сам помер. От сердца. Иван К-константиныч очень переживал. Они вместе за г-границей работали в семидесятые г-годы... А когда он умер, наняли м-меня.

– Спасибо, Глеб, вы мне очень помогли. А теперь достаньте мне схему дома. Электроснабжение, коммуникации. Телефон, провода всякие... И чтобы система безопасности там была. Справитесь?

Наверное, я не смогла скрыть капельки яда в своем голосе, потому что Глебушка обиженно посмотрел на меня и сказал:

– Зря вы так. Я хорошо работаю. Катерина Ивановна мной д-довольна.

– Да вы не обижайтесь, Глеб! Я ничего против вас не имею. Просто хочу выполнить свою работу наилучшим образом. Ну что, принесете схемы?

Глеб кивнул и с мрачным видом принялся рыться в ящиках стола перед пультом. Судя по тому, какой там царил бардак – краем глаза я увидела журнал «Плейбой» среди огрызков яблок, – заниматься этим Глебу предстояло долго. Поэтому я решила осмотреть комнату, которую с завтрашнего дня буду называть своей, и отправилась вверх.

Я едва успела подняться на второй этаж и поставить ногу на последнюю ступеньку деревянной, очень красивой лестницы, как вдруг заметила незнакомца. Человек крался по коридору туда, где располагались комнаты детей. Причем не шагал, не шел, а именно крался – высоко поднимая ноги и старательно наступая на носочки. Выглядел он карикатурно, но кто сказал, что все киллеры выглядят угрожающе? Самый опасный из известных мне убийц был беременной женщиной...

У человека был в руках какой-то предмет, спрятанный под наброшенным на руку полотенцем. Полотенце в сочетании с пальто – это немного ненормально, вы не находите?

Меня насторожила еще одна деталь – окно в дальнем конце коридора было распахнуто настежь, и створка хлопала на ветру, снежинки падали на ковер. Вряд ли подобное считалось нормальным даже в этом странном доме...

Так что я поступила как считала нужным: а именно – в два прыжка преодолела разделявшее нас расстояние и сделала подсечку, одновременно блокируя правую руку с оружием. Незнакомец пискнул и опрокинулся на спину, а я приняла его и мягко уложила на ковер. Оружие теперь смотрело точно в потолок. Человек немного подергался, пытаясь вырвать правую руку, но я усилила нажим, и он засучил ногами.

– Отпустите, я все сделаю, что скажете! Только не убивайте! – зачастил незнакомец. Я ослабила хватку. Кажется, произошла ошибка. Раз этот тип меня принимает за злодея, значит, сам он не из тех, кто рыщет около дома Гольцовых.

Я встала. Человек остался лежать в той же позе. Рука его нелепо торчала вверх, глаза растерянно моргали.

Я рывком сдернула полотенце с его правой руки. Под ним обнаружилась курительная трубка, довольно красивая и дорогая на вид.

– Урр-ра! – раздались полные восторга вопли. Близнецы распахнули двери своих комнат и прыгали на пороге в полном упоении. – Ура! Ваське попало! Ваське попало!

– Кто это такой? – спросила я Антона, дождавшись момента, когда ребенок на минуту замолк.

– Это Васька, наш учитель! – сообщила мне Аня.

– Почему никто ни слова не сказал мне ни о каком учителе? – изумилась я. Ну надо же! Сначала Катерина описала мне всех, кто живет в доме. Потом еще Глеб познакомил с персоналом. И никто даже не упомянул об этом... Ваське!

– Ну конечно! – плаксивым голосом протянул учитель, поднимаясь с пола. – Кто я такой, чтобы обо мне помнить... Всего лишь тот, кто сеет разумное, доброе, вечное!

– Извините меня, – пробормотала я. – Меня никто не предупредил. Это просто недоразумение.

– Ничего себе – недоразумение, – продолжал канючить Василий. – Вы мне руку сломали, кажется...

– Ну, это вряд ли. – Моя жалость к этому типу таяла на глазах, как сугроб под весенним солнцем. – Если бы сломала, вы бы заметили, уверяю вас. Кстати, я извинилась.

Учитель молчал, внимательно разглядывая трубку.

– В мои задачи входит обеспечивать безопасность детей. Ваше поведение показалось мне подозрительным. Кстати, зачем вы крались по коридору и для чего открыли окно?

Близнецы в полном восторге запрыгали, как мячики, и радостно сообщили:

– Мама запрещает Ваське курить в доме! Он подождал, пока она уехала, и открыл окошко! Ну, Васька, теперь тебе попадет!

– Взрослого человека нужно называть уважительно. Что это за «Васька»?! – возмутилась я. – Он что – кот?!

Близнецы покатались со смеху. Учитель покраснел. Мне показалось, что на глазах его выступили слезы. Так-так! Садовник в этом доме – аристократ с ухоженными ногтями. Охранник – инвалид. А учитель, оказывается, из тех, кто не умеет за себя постоять. Как можно чему-то научить тех, кто тебя не уважает?

– Пожалуйста, вернитесь в свои комнаты, – вежливо, но твердо обратилась я к близнецам. Дети переглянулись.

– Вы не имеет права так с нами разговаривать! – заявил Антон.

– Мы пожалуемся на вас маме, – сообщила Аня.

– Да ради бога! А теперь вернитесь в свои комнаты.

Близнецы надулись, Аня как-то особенно цинично показала ярко-розовый язык, а ее брат издал губами громкий неприличный звук. Однако дети послушались – они синхронно отступили назад, каждый в свою комнату, и закрыли за собой двери.

– Как это у вас получилось? – озадаченно спросил Василий, глядя на меня. Глаза его казались по-детски беззащитными, щетина на подбородке и щеках выглядела желтой, как цып-лячий пух.

– Просто не нужно даже мысли допускать, что вас могут не послушаться, – объяснила я. Этот прием срабатывает абсолютно со всеми – с детишками, с волками, с тиграми, с хомяками,

с заключенными, со старушками... Единственные существа, на которые он не действует, – это кошки...

– Скажите, а вы долго пробудете в доме? – с надеждой глядя на меня, спросил Василий.

– А что? – подозрительно осведомилась я. Знаю я таких, как этот «сеятель разумного, доброго, вечного». Ищет, на кого бы повесить свои проблемы и переложить свои обязанности, вот и все...

– Ну, может быть, у вас получится призвать к порядку этих детей... Родители совершенно их избаловали! А в последнее время они стали совсем невыносимы.

– Неужели? – вежливо переспросила я, раздумывая, как потактичнее отделаться от этого зануды.

– Да, представляете, на прошлой неделе пробрались в мою комнату и поставили на дверь ведро с водой! Я вошел, и меня окатило с ног до головы. Я уже начал бояться, что простужусь, но, к счастью, все обошлось...

Нет, это не просто зануда. Это суперзануда. Нет, гиперзануда!

Я пожала плечами:

– Классический трюк! Мы в детстве тоже так делали. Только вместо воды лучше всего использовать побелку... Мы проделали такое с вредным вожатым в летнем лагере. Тогда нам это показалось очень остроумным...

Я сделала шаг в сторону своей двери, но Василий придержал меня за рукав. Я посмотрела на его руку, и он отдернул ее, будто от горячей сковородки.

– И еще, представляете... Все время врут! Если будут что-то вам рассказывать, вы не верьте! Представляете, неделю назад они заявили, что видели в нашем саду негра!

Я покачала головой:

– Что ж, у детей богатая фантазия. Спасибо, что предупредили. Теперь ни за что не приму историю с негром за правду.

Я закрыла за собой дверь комнаты и вздохнула с облегчением. Так, от этого типа стоит держаться подальше, если я хочу сохранить рассудок...

Моя комната оказалась уютной спальней. Широкая кровать так и манила «на минуточку прилечь и отдохнуть», как поется в старинном шлягере. На стене – телевизор с диагональю дюймов сорок, не меньше; два кресла, торшер на прозрачной ножке со множеством стеклянных бусин вместо абажура, розовый ковер на полу, мебель, обитая тканью в букетик, – в общем, стильно, дорого и уютно. Молодец, Катерина Ивановна! Ну, или дизайнер Катерины Ивановны...

Я подошла к окну. Оно было без решетки, зато снаружи снабжено рольставней. Высоко, если прыгать – мало не покажется. Конечно, я искренне надеюсь, что мне никогда не придется выпрыгивать из этого окна. Просто у меня привычка такая – просчитывать пути отхода на случай возможных неприятностей.

Что ж, завтра меня ждет полноценный рабочий день. А сегодня мне пора домой – тетушка Мила обещала пирожки с капустой и грибами. Не далее как сегодня за завтраком она заявила мне:

– Женя, ты не представляешь, какие бездны таит в себе кулинарное искусство!

Я немедленно подавилась овсянкой, и тетушке пришлось похлопать меня по спине. Прекратив кашлять, фыркать и смеяться одновременно, я еле выговорила:

– Тетя! Какие еще бездны?!

Мила на минуту задумалась, а потом сообщила:

– Утка с яблоками, например. Это так безумно сложно! Женя, ты себе не представляешь! Нужно, чтобы утка ни в коем случае не перестояла в духовке, иначе есть ее будет невозможно. И в то же время нельзя допустить, чтобы она осталась сыроватой. Вдобавок из нее постоянно

вытапливается жир. И из тушки весом в три кило остается какой-то жалкий килограмм мяса! Кстати, хочешь утку в яблоках на Новый год?

Пришлось сказать, что я всю жизнь мечтаю попробовать именно это блюдо. Тетя воодушевилась и заявила, что готова взять новую кулинарную вершину, но только ради меня. А сегодня на обед будут пирожки.

Время обеда давно прошло, честно говоря, приближался ужин. Я погасила свет и закрыла за собой дверь спальни. Спустилась по лестнице, на прощание кивнула Глебу, который ожесточенно рылся в ящиках стола и даже не попрощался со мной. Клад он там ищет, что ли?

Мой верный «Фольксваген» терпеливо ждал меня во дворе. На крыше намело целый сугроб пушистого снега. Я открыла багажник и достала веник. Это удивительное приспособление подарил мне один из моих прежних клиентов в первый год, когда я приехала в Тарасов. «Берите, Женя! – заявил он мне, вручая сверток в подарочной бумаге. – Если вы собираетесь и дальше жить в нашем городе, эта вещь вам очень пригодится!»

Я развернула бумагу, ожидая увидеть банальный букет роз и недоумевая, как это он может мне пригодиться. И обнаружила веник. Я долго смеялась и с тех пор вожу этот необычный подарок в багажнике вместе с «крокодилами» и тому подобными вещами.

Я тщательно обмела веником снег со своего железного друга, села за руль и включила двигатель. Пусть прогреется немного. Фары моей машины освещали заснеженный сад – очень красивый, как на открытке. Березовая рощица в отдалении почти невидима за снегопадом. Вероятно, Иван Константинович, проживая за границей, именно так представлял себе русский пейзаж. Вернувшись на родину, он обустроил свой участок в соответствии с ностальгическими воспоминаниями.

Мне почудилось какое-то движение в заснеженном саду. Точно, вон там, на границе соседнего участка, движется что-то живое. Какой-то человек стоял под снегопадом. Так, как бы к нему подобраться? Нет, не получится... На машине туда не проехать – мешает пруд. Пока я буду выбираться из автомобиля и пешком чапать через весь участок, незнакомец растворится в снежной пелене. И следов не останется.

Мне показалось, что человек смотрит прямо на меня. Я находилась слишком далеко от него, чтобы рассмотреть черты его лица. Но одно могу сказать совершенно точно – мне показалось, что незнакомец был чернокожим...

Глава 2

Утром следующего дня я подъехала к дому Гольцовых. Время приближалось к восьми, и на улице было еще совсем темно. Пока я ехала по городу, все было еще ничего – набитые спешащим на работу народом автобусы, кренясь на поворотах, ползли передо мной, как беременные бегемоты, и приходилось обгонять. В городе горели фонари, светились витрины магазинов. Тарасов всюду готовился к Новому году – в предрассветной темноте мигали огнями разноцветные гирлянды.

Но дом Гольцовых располагался в пятидесяти километрах от города. Стоило мне свернуть с шоссе, как вокруг моего «Фольксвагена» закружила снежная буря. По обе стороны дороги вздымались первозданные сугробы, а к далекому лесу уходила нетронутая снежная целина. Особняк Гольцовых я нашла без труда – другой дороги в этих краях не было. Но зато я поняла, почему хозяин дома ездил на «Туареге». Если эту ветку от шоссе не почистить хотя бы один день, на «Тойоте» отсюда не выберешься до весны.

К счастью, прямо передо мной полз снегоочиститель – пузатая машина с яркими габаритными огнями. Мне пришлось обогнать трудолюбивого тихохода на повороте, чтобы успеть к назначенному часу.

Без пяти восемь я выбралась из машины и вошла в дом. Глеб, зевая, впустил меня в холл. По лестнице, громко топая, прискакали близнецы. Они были одеты слишком легко для зимнего дня, но я промолчала. В конце концов, у них есть мамочка – это во-первых. А во-вторых, эти дети не бегают по улицам, не катаются на попе с ледяных гор. Школа – дом – музыкальная школа – теннис – танцы. Таков их ежедневный маршрут. И передвигаются детки исключительно на машине. Так что я молча вышла вслед за Аней и Антоном, которые наперегонки неслись к автомобилю.

Семен Степанович ждал пассажиров за рулем «Туарега». Это была модель «Эксклюзив» – красивый кожаный салон, два детских кресла закреплены на заднем сиденье. Аня и Антон привычно забрались назад. Я подождала, пока они пристегнут ремни безопасности, и только потом села на переднее сиденье.

– Поехали! – сказал Семен Степанович, как будто был первым космонавтом планеты, сам посмеялся своей шутке и завел машину.

Близнецы явно относились к разряду «жаворонков». Они были бодры, веселы и непрерывно болтали. Я являюсь типичной «совой», по утрам мне всегда сложно сконцентрироваться, поэтому я доверилась профессиональному мастерству шофера и откинулась на спинку сиденья. Автомобиль мягко укачивал меня, и я почувствовала, как уплываю в сон. Но тут мое внимание привлек разговор на заднем сиденье. Близнецы азартно обсуждали какую-то очередную каверзу, которую собирались устроить сегодня после обеда своему учителю. В планах фигурировал оголенный провод и мокрые носки, и мне стало немножко жаль несчастного педагога.

Я решила отвлечь детишек от их коварных планов. Сейчас было самое подходящее время для того, чтобы провести инструктаж.

– Аня и Антон, пожалуйста, послушайте меня очень внимательно. Когда мы окажемся на месте, не выходите из машины, пока я не скажу. Не вздумайте убежать от меня. Не отстегивайте ремни, пока не будет команды. Ясно?

Близнецы сморщили точеные носы.

– Вы поняли, что я сказала? – Я почувствовала, что в моем голосе звучат противные учительские нотки. А взгляд, которым я прожигала десятилетних детишек, содержал самую настоящую угрозу. Дети целую минуту исподлобья изучали меня. Потом переглянулись, точно обменялись телепатическими сигналами, и покорно кивнули. Что ж, счет «один-ноль» в пользу

Охотниковой. Но если каждый раз мне потребуется делать такое усилие для того, чтобы добиться послушания, наши отношения очень скоро зайдут в тупик. Нужно срочно что-нибудь придумать...

Семен Степанович оказался отличным водителем – он не лихачил без нужды, но и не стоял в пробках понапрасну. Судя по всему, шофер отлично изучил город, он ловко миновал огромную пробку на въезде, промчавшись через двор гигантской многоэтажки.

Так что в школу никто не опоздал.

Близнецы учились в престижном лицее в центре Тарасова. Многие дети моих состоятельных клиентов посещали именно это учебное заведение. Я знала, что охрана здесь организована как надо, и потому могла со спокойной совестью оставить Антона и Аню. Семен Степанович остановил автомобиль на школьной стоянке. Вокруг было полно машин, из которых выгружали детишек с ранцами. Я вывела близнецов из машины, устроив настоящее представление – прикрывала их от возможного снайпера, бдительно оглядывала окрестности и тому подобное. Некоторых школьников сопровождали охранники. Я ловила на себе их удивленные взгляды. Но это сущие мелочи, главное, что маленькие Гольцовы чувствовали себя на вершине блаженства.

Перед тем как пойти в класс, Антон пожал мне руку. Аня поправила бант перед огромным старинным зеркалом в вестибюле и тоном королевы произнесла:

– Спасибо, Женя, теперь вы можете уехать. Ждем вас к двум часам.

И отпустила меня царственным жестом.

Я с трудом сдержала улыбку. Как быстро выросло поколение тех, для кого «обслуживающий персонал» – вполне привычное дело. Этих детишек моют, водят в школу, лечат, учат и воспитывают специально нанятые люди. Аня Гольцова привыкла к слугам с пеленок. У девочки нет даже небрежного демократизма матери. Впрочем, это не мое дело. Мое дело – обеспечивать безопасность детишек в течение двух недель. Потом Гольцовы уедут за границу, и Ане придется привыкать к новым правилам. Где там собирается жить семья Гольцовых? Может быть, в какой-нибудь маленькой уютной стране вроде Австрии или Швейцарии? Что ж, Анечку ждет сюрприз. В отличие от России, которая, несмотря на попытки притворяться западной страной, все-таки во многом представляет собой восточную империю, в европейских странах демократизм – норма общения. И юной принцессе придется к этому очень быстро привыкнуть.

Я вышла из здания школы. Семен Степанович сидел в машине. Он махнул рукой, подзывая меня:

– Жень, ты со мной или как? Я обратно поеду, вздремну чуток, а к двум часам вернусь. Хочешь, поехали домой. За детишек не волнуйся, они тут под присмотром.

«Домой»... Надо же, до чего семейная атмосфера царит в особняке Гольцовых...

– Нет, спасибо. Я лучше в городе побуду. А около двух встретимся здесь, на стоянке.

– Ну, дело хозяйское!

И шофер отбыл. Я вышла за ворота лицея и задумалась. Так, чем бы мне заняться? Формально я на работе, но на самом деле у меня совершенно неожиданно оказалась куча свободного времени. Обычно мне всегда есть чем занять себя, такие вот «левые» часы – настоящий подарок. Так, для начала выпьем кофе.

Было довольно непривычно передвигаться по улицам без машины. В последние годы я как-то привыкла, что мой железный друг постоянно со мной. Где мы только с ним не побывали! Что ж, посмотрим город с точки зрения пешехода...

Приличное кафе я нашла в двух кварталах от лицея. Я заказала кофе и бутерброд и уселась за столик, отдуваясь. Город с точки зрения пешехода совершенно мне не понравился. Ночью выпал снег. Но то, что за городом, к примеру, вокруг особняка Гольцовых, выглядело как симпатичные пушистые сугробы, здесь, в центре, превратилось в коричневую кашу, которая противно хлюпала под ногами. Ботинки мои промокли, за шиворот насыпалась снежная крупа. Я грела руки о чашку и раздумывала, чем бы занять эти утренние часы, раз уж мне пред-

стоит возить детишек в школу целых две недели, за вычетом выходных и новогодних праздников.

И тут я увидела Василия – учителя близнецов. Мужчина шел по улице, натываясь на прохожих, то и дело ронял стильную шляпу и вообще производил впечатление крайне неприспособленного к жизни существа. Интересно, как это Катерину угораздило нанять такого? Насколько я успела понять, госпожа Гольцова предпочитает все качества «хай-класс». И только в подборе персонала проявляет странную оригинальность. Я даже призадумалась – может быть, и со мной что-то не так, раз я попала в компанию поварихи-анорексички, инвалида-охранника и учителя, у которого прямо-таки на лбу стоит штамп «полная профнепригодность»... Но потом решила, что всю эту команду, возможно, наняла вовсе не Катерина, а ее покойный отец.

Куда же это спешит учитель? Ворота лица он давно миновал...

Я почувствовала жгучий интерес. Вася, с его цыплячьим пухом вместо бороды и неспособностью справиться с двумя детишками, вовсе не казался мне человеком, у которого могут быть хоть какие-то тайны... Что ж, похоже, у педагога все же имеются свои секреты. Я быстро допила кофе, расплатилась и выскочила на улицу.

Опыт слежки за объектом у меня большой. Два квартала я соблюдала положенную дистанцию, а потом плюнула и пристроилась почти вплотную за Василием. Учитель такой рассеянный, вряд ли он заметит меня, даже если я наступлю ему на ногу и извинюсь в придачу.

Вскоре я выяснила, куда направлялся педагог. Кстати, в Древней Греции это слово означало просто-напросто раба, хромого или увечного, не пригодного ни к какой тяжелой работе, а способного только сопровождать детишек...

Василий вошел в магазин «Табак», известный каждому, кто живет в нашем городе. Он находится на центральной улице Тарасова. Причем на этом самом месте он был еще в дореволюционные времена. Это магазин для настоящих ценителей табака – вы не найдете там банальных сигарет, которые можно купить в каждом ларьке по соседству с домом. Лакированные, накрытые стеклом витрины магазина содержат настоящие сокровища – множество сортов табака, трубки тридцати разновидностей, кальяны, всякие принадлежности, милые сердцу заядлого курильщика.

Ну вот, а я-то волновалась! Учитель всего лишь хочет пополнить свои запасы трубочного зелья. Никакого криминала.

Я уже подумывала о том, чтобы вернуться в кафе, но вдруг, повинуясь внезапному импульсу, толкнула старинную дверь и вошла в магазин. От Васи исходил аромат жертвы. Прекрасно понимаю близнецов! Этот парень так и напрашивался на то, чтобы над ним подшутили. Я встала за спиной учителя, изучающего сорта трубочного табака, и негромко посоветовала:

– Берите яблочный, Василий, не ошибетесь!

Жаль, что я давно вышла из возраста близнецов. Эффект, который произвели мои слова, трудно было описать словами. Учитель подскочил на месте, выронил табак и издал какой-то бляющий звук, точно перепуганная овца.

– Извините, Василий. Я не хотела вас напугать, – соврала я, подавая учителю выпавший сверток. Педагог уставился на меня кроткими голубыми глазами, и мне стало стыдно. Нашла над кем шутить!

– Что вы здесь делаете?! – неуверенным голосом спросил Василий.

– Да так, жду близнецов, они до двух в школе. А вы?

Педагог затравленно оглянулся, как будто он был связным, а я только что провалила ему явку.

– Ладно, Василий, я, пожалуй, пойду. Увидимся!

Я двинулась к двери.

– Подождите, – в спину сказал мне педагог. – Послушайте, вы можете не говорить дома... не говорить Катерине Ивановне, что видели меня здесь?

Я смотрела на парня во все глаза. На вид ему лет двадцать пять – двадцать семь. И он прячется от Гольцовой, чтобы покурить, как порочный пятиклассник от строгого директора?!

– Конечно, я никому ничего не скажу, – пообещала я и покинула магазин.

Без четверти два я стояла во дворе лицея. Семен Степанович подъехал вовремя. Он помаhal мне рукой, я кивнула и вошла в вестибюль. Мелодично прозвучал звонок – он исполнил начало какого-то музыкального произведения, кажется, это был Моцарт. Никакого сравнения со звонком времен моего детства – тот звучал, как пожарная сирена, пронзительно и на редкость противно. А этот просто ласкал слух.

По лестнице стали спускаться дети – от первоклашек, скакавших через три ступеньки (один даже съехал по перилам), до вполне солидных юношей и девушек, только стильная форма которых выдавала то, что они еще школьники.

Сначала поток детей был плотным, и я вертела головой, боясь пропустить своих подопечных. Потом он начал редеть и вскоре прекратился совсем.

Ани и Антона не было.

Я двинулась к лестнице, но меня остановил охранник, выросший передо мной, как по волшебству. Очевидно, вестибюль просматривался с мониторов.

– Вы к кому? – бдительно осведомился охранник.

– Я ищу Гольцовых, Антона и Анну, учеников третьего класса, – пояснила я. – Они не могли остаться в классе?

– Сейчас посмотрим. – Охранник пробормотал что-то в микрофон закрепленных на голове наушников. Спустя минуту ему ответил далекий квакающий голос.

– Нет, в классах никого не осталось. – Теперь охранник смотрел на меня подозрительно: – Кто вы такая? У Гольцовых нет охраны.

– С сегодняшнего дня есть, – сообщила я парню и отошла в сторону. Что мне делать – звонить Катерине, рискуя вызвать у бедной матери сердечный приступ, или попытаться разыскать детей самостоятельно? И это в первый же день работы!

– Я сейчас вернусь, – предупредила я охранника и вышла из здания. Посмотрим, может быть, близнецам удалось меня одурачить или я попросту не разглядела их в толпе детишек, и теперь ребята мирно ждут меня в машине... Я подошла к автомобилю. Он был пуст.

Я вернулась в здание лицея. Охранник двинулся мне навстречу. Руку он держал на заднем кармане. Не знаю, что у него там было, но проверять не хотелось.

– В этом здании пропали дети, – сказала я, стараясь сохранять спокойствие. – Я не выйду отсюда до тех пор, пока не выясню, кто их забрал.

Охранник смерил меня оценивающим взглядом и вызвал подкрепление. Не знаю, чем кончилось бы наше противостояние – я всерьез собиралась поставить это заведение на уши! – но тут один из охранников схватился за наушник и закричал:

– Пошел сигнал! Четвертый передает, пошел сигнал с датчика движения на третьем этаже!

Тут самый солидный дядька – очевидно, старший смены – подал голос:

– Второй сообщает, видит детей на мониторе. Вылезают из шкафа для пособий в классе биологии. Спускаются к нам. Отбой!

Я перевела дыхание. Значит, милые детишки решили просто подшутить надо мной. Проверить мои нервы на прочность!

Аня и Антон не торопясь спустились по лестнице. На личиках близнецов сияли невинные улыбки, ресницы были скромно опущены. Ну, чистые ангелочки!

Мне пришлось напомнить себе самой, что в мои задачи не входит воспитание и тем более перевоспитание этой парочки. Я должна обеспечить безопасность близнецов, а не заботиться об их моральном облике. Поэтому я и виду не подавала, будто чем-то недовольна. Я приветливо улыбнулась детям и сообщила, что машина ждет. Близнецы переглянулись. На их мордашках

проступило легкое разочарование. Ничего-ничего, мы еще сработаемся. Обычно так и происходит. В моей практике встречались клиенты и похуже, чем десятилетние эгоцентрики...

Семен Степанович как ни в чем не бывало сидел на водительском месте. Я запустила близнецов в машину, проследила, чтобы оба пристегнулись. Села на свое место и только тогда тихо спросила:

– Где вы были?

Семен Степанович растерялся:

– Так я это... отлить ходил. А что, нельзя?

Близнецы дружно захихикали. Говорить шепотом шофер явно не умел. Степаныч так простодушно смотрел на меня, что я махнула рукой и скомандовала:

– Поехали уже.

Кажется, инструктаж по технике безопасности мне придется проводить со всеми, включая повариху и садовника...

Обратная дорога прошла без приключений. В особняк мы прибыли как раз к обеду. Надя накрывала в столовой.

– А вы можете пройти на кухню, там для вас накрыто, – сообщила мне повариха. Я кивнула и отправилась куда послали. В кухне было очень чисто и очень просторно. Гудела огромная вытяжка. На столе исходила паром кастрюля с ухой и еще что-то в судках под стальной крышкой.

За столом уже сидел Глеб. Охранник азартно потирал руки – парень явно был не дурак покушать. Тяжело ступая, вошел Степаныч и уселся на свое место. Последним к столу прибыл учитель. Василий был бледен, руки его мелко дрожали. Кажется, он еще не отошел от утренних переживаний. Педагог бросил на меня умоляющий взгляд. Пришлось послать ему через стол успокаивающую улыбку. Ничего, мол, я тебя не выдам! Только после этого Василий уселся на стуле и расстелил салфетку на коленях.

Вошла Надя. Она, видимо, уже успела обслужить хозяев и теперь была готова позаботиться о «помощниках по хозяйству». Повариха принялась разливать уху, причем Глебу она выделила двойную порцию, приговаривая: «Кушайте, кушайте!»

К ухе полагались еще и расстегаи, каждый размером с мужскую ладонь. Я поняла, что голодна как волк, и накинулась на еду. Уф, до чего же вкусно! Я сыто откинулась на стуле, и мы со Степанычем обменялись добрыми счастливыми улыбками. Но тут Надя сняла крышку с металлической кастрюльки:

– А судачки? На второе сегодня томленные судачки!

– Надя, вы потрясающе готовите! – совершенно искренне призналась я, когда с судачками было покончено. Надя немного подобрела – любому профи приятно, когда признают его заслуги.

– Это Иван Константиныч завел такие порядки, – сообщила мне повариха, невзначай прислоняясь к плечу Глебушки. – Они, когда за границей жили, очень скучали по русской кухне. Особенно когда в Мозамбике служили, то сильно мучились... Вот потому, когда на пенсию вышли, сразу маму мою наняли. Я тогда еще маленькая была, но все хорошо помню. А потом я восемь классов окончила, хотела швеей стать, а Иван Константиныч мне и говорит: «Ты, Надя, глупостями не занимайся. Иди на повара учишься, рабочее место тебе гарантировано». И сразу после училища меня наняли вместо мамы, а она в деревню уехала – Иван Константиныч нам домик приобрел.

Ну и дела! Сериал «Один день из жизни помещика»! Однако, добрым человеком был покойный Гольцов, раз покупал домики в деревне для бывшей прислуги. Неудивительно, что все помощники по хозяйству души в нем не чаяли и говорят о нем исключительно с придыханием...

Вошла горничная Маша. Вид у девушки был бледноватый, глаза на мокром месте. Маша бросила быстрый взгляд на Глебушку, и повариха немедленно убрала руку с его плеча. Глебушка блаженствовал после трапезы, ковыряясь в зубах какой-то нестандартной зубочисткой, тоже, наверное, «люксового качества». Похоже, он тут, что называется, первый парень на деревне. Вон какие страсти кипят вокруг этого тощего парня...

Маша устало опустилась на стул. Надежда придвинула ей тарелку и материнским тоном спросила:

– Что так долго, Машенька? Остыло все!

– Да никак не хотели отпустить, – вздохнула Маша. – Бульдоги проклятые под столом притаились, пока всех повытаскивала... Особенно Жозефинка разбаловалась – прячется под стул, и все. Тяжелая, что твой бегемот! Видать, ей скоро родить...

Тут горничная взглянула на меня и хлопнула себя по лбу:

– Ой, забыла! Евгения Максимовна, вас Катерина Ивановна просит! Пройдите в столовую, там кофе попьете. Надя, подавай!

Василий выпрямился на стуле и прожег меня недовольным взглядом. Я не стала гадать, что бы это могло значить.

Надежда захлопотала над кофейником, а я поблагодарила повариху и прошла в столовую.

Семья Гольцовых сидела вокруг огромного круглого стола, за которым могли разместиться все рыцари короля Артура, не то что семья из четырех человек. Стол был накрыт белоснежной крахмальной скатертью. Это в будний-то день! Вероятно, это тоже была одна из традиций, введенных покойным дипломатом.

Катерина сидела во главе стола. Близнецы ерзали на стульях и кидались хлебными катышками, когда мать отворачивалась. Сегодня я впервые увидела главу семейства – как там его? Макар Светозарович!

Макар оказался молодым мужчиной атлетического телосложения, с пшеничными волосами, правильными чертами лица и небольшой бородкой. Выглядел он как гибрид гусара наутро после попойки и актера, имеющего амплу героя-любовника. Несмотря на то что время приближалось к половине четвертого дня, одет он был в бордовый халат с какими-то кистями. На мое появление Макар Светозарович никак не отреагировал, только смерил меня равнодушным взглядом жгуче-черных глаз. Черные глаза и брови в сочетании со светлыми волосами придавали ему несколько декоративно-демонический вид. Красивый мужик, и знает это. Кто он по профессии? Ах да, режиссер! Что ж, полагаю, в театре он чувствует себя султаном в гареме – наверняка отбою нет от актрис...

– Макар, познакомься, это Евгения. Женя, это мой супруг. Выпейте с нами кофе!

Я устроилась на стуле. Близнецы притихли.

Вошла Надя и принялась разливать кофе в керамические чашечки – в каждую входило не больше наперстка.

– Это папа привез из Африки, – грустно сказала Катерина. – Он любил всякие экзотические вещи. Из каждой страны привозил что-то необычное...

– А вы путешествовали вместе с отцом? – поинтересовалась я.

– Нет, что вы! Папа закончил дипломатическую карьеру еще до моего рождения. Мы никуда отсюда не выезжали. Первый раз я в Москву попала, когда окончила школу. Ездил поступать в Щукинское училище...

– Ваш отец хотел, чтобы вы стали актрисой? – удивилась я.

– Нет, как вы могли такое подумать! – Катерина слегка улыбнулась воспоминаниям. – Папа был очень умный человек. Он всегда знал, как людям надо поступать... Правда, Надя?

Повариха кивнула и тяжело вздохнула. Разлив кофе и поставив на стол вазочку с печеньем, она ушла, тихонько прикрыв за собой дверь.

– Вот Надюша – умница, она папу послушалась, и теперь все у нее в жизни хорошо. А я...

Тут Катерина спохватилась, что мы в комнате не вдвоем. Близнецы сидели прямо, замерев, как суслики, и наострив ушки.

– Так, молодые люди! – строго сказала Катерина. – Вам пора собираться. Не забыли, что через пятнадцать минут вы должны отправиться по делам? Антон, тебе пора в бассейн! Не забудь плавки, как в прошлый раз. А ты, Анечка, собери ноты. Чтобы через пятнадцать минут были готовы!

Близнецов как ветром сдуло. Я заметила, что с матерью детишки стараются не спорить.

– Надо было послушать папу, – продолжила Катерина, как только за близнецами захлопнулась дверь. – Он мечтал, чтобы я поступила в МГИМО. А я вообразила, что мое призвание – сцена!

– Но вы же известная в городе актриса! – сказала я, вспомнив афиши с именем Гольцовой, которыми был оклеен Тарасов еще совсем недавно. «Макбет», кажется. Сама я не великий любитель театров, но тетушка Мила побывала на премьере и отзывалась о спектакле с одобрением.

– Вот именно, что в городе! – с горькой иронией отозвалась Катерина. – Папа любил повторять: «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме»... Тогда я не понимала, что это значит. А теперь уже поздно.

На мужа госпожа Гольцова не обращала ни малейшего внимания. Макар задумчиво помешивал кофе.

Я почувствовала себя довольно неуютно. По складу характера я не очень-то гожусь на роль «жилетки», в которую можно выплакать все печали. Свои проблемы я предпочитаю решать самостоятельно, а если не получается – просто терплю. В сочувствии я совершенно не нуждаюсь, тем более что под его маской зачастую прячется обыкновенное злорадство... Да и дружить мне проще с мужчинами, чем с женщинами, – сильный пол не склонен взваливать свои заботы и горести на ваши плечи.

– Простите, Женя, я что-то загрустила, – спохватилась Катерина. – Ничего, совсем скоро мы окажемся в Швейцарии, а там наша жизнь пойдет совсем по-другому...

Допив восхитительный кофе, сваренный с какими-то восточными пряностями, я поднялась:

– Мне пора, дети, наверное, уже ждут.

– Да-да! Поезжайте, Женя. Ждем вас к семи часам.

Тут я почувствовала, как кто-то тронул меня за ногу. В изумлении я уставилась на Макара, но тот сидел довольно далеко и меланхолично смотрел в окно. Я наклонилась и приподняла скатерть. На меня уставилась дружелюбная морда, более всего напоминающая лягушечью. Да и статью это животное напоминало скорее жабу, чем собаку, – огромное пузо, вывернутые ноги, похожие на куриные окорочка... Под столом обнаружилась палевого окраса псина. Она улыбнулась и слегка лизнула мою руку.

– Кто там у нас? – наклонилась Катерина. – Жозефиночка! Вот ты где, девочка моя! Это папина любимица, – пояснила мне Гольцова. – Надеюсь, скоро она подарит нам маленького.

Близнецы топтались возле машины, нетерпеливо дергая дверцы. Я попросила их подождать и отправилась на поиски Степаныча. Водитель, переваливаясь не хуже Жозефины, спешил мне навстречу:

– Ох, заболтался на кухне! Иду. Иду уже!

– Пойдите минутку, – попросила я шофера. – Мне надо вам кое-что сказать.

– Насчет чего это? – напрягся водитель.

– Насчет безопасности.

– А в чем дело-то?

– Да вы не волнуйтесь, – успокоила я шофера. – Просто небольшой инструктаж...

– Да я с восемьдесят шестого года Иван Константиныча возил, и никогда никаких нареканий! – обиделся Степаныч.

– Понимаете... – Я раздумывала, как бы потактичнее дать понять шоферу, что в вопросах безопасности он ведет себя как полный лопух. – Ведь вы сейчас детишек возите, верно?

– Ну? – напрягся Степаныч.

– А их безопасность для нас самое главное, верно?

– Верно, – подтвердил водитель.

– Ну, и давайте работать вместе. Вы в своем деле настоящий ас, но и я в своем, как говорится, собаку съела...

Степаныч покотился со смеху.

– Ладно, послушаю тебя. Говори, чего делать-то?

Я провела быстрый инструктаж. Степаныч недоверчиво покачал головой, но, кажется, принял к сведению.

Во всяком случае, все время, пока мы ехали в город, он сохранял бдительность (на мой взгляд, совершенно излишнюю) – за руль держался мертвой хваткой, на каждом перекрестке подолгу стоял, крутя головой по сторонам, и вообще всячески демонстрировал готовность к неприятностям. Несмотря на это, до Тарасова мы добрались без приключений.

Вначале мы отвезли Антона на тренировку. Мальчик занимался плаванием и ни за что не хотел отменить последнее в этом году занятие. Вообще-то, учитывая то, что семья собиралась на ПМЖ за границу, эта тренировка была для Антоши вообще последней. Не знаю, есть ли там детские спортивные школы.

Степаныч остановил «Туарег» около бассейна – серебристой ракушки из стекла и бетона, построенной в те времена, когда такой стиль только входил в моду. Аня осталась в машине, а мы с мальчиком поднялись по ступенькам. Я проводила Антона в раздевалку, где он оставил куртку и ботинки, а потом мальчик предъявил пропуск и скрылся в глубине здания. Оттуда тянуло хлоркой и теплым паром, и вход посторонним был запрещен.

Что ж, Антон под охраной тренера, так что я могу не беспокоиться о мальчике целых полтора часа. Теперь очередь Ани. Девочка училась в музыкальной школе в центре Тарасова, так что пришлось постоять в пробках. Несмотря на то что время приближалось к семи, было уже темно, и габариты впереди идущих машин весело мигали. Город переливался иллюминацией, но девочку это не радовало. Аня подпрыгивала на сиденье и то и дело дергала Степаныча:

– Ну, долго еще? Ты не можешь ехать чуточку побыстрее? Что ты тащишься, как улитка! У меня сегодня генеральная репетиция перед новогодним концертом!

В голосе девочки звучала самая настоящая злость, под конец она даже принялась тыкать острым кулачком в толстое плечо Степаныча, так что я была вынуждена сделать ей замечание. Аня сердито посмотрела на меня, нахмурила бровки и сказала:

– А вы вообще не лезьте, когда не спрашивают! Ваше дело – охранять. Вот и охраняйте.

– Пожалуйста, разговаривай со мной вежливо, – миролюбиво попросила я.

– А то что? – поморщилась девочка.

– А то я тоже стану невежлива с тобой. И тебе это не понравится...

– Вы мне угрожаете? – вскинулась Аня. Глаза ее загорелись азартом. Надо же, какие интересные дети подрастают в семье Гольцовых...

– Всего нет. Просто я разговариваю с тобой вежливо и прошу того же от тебя. Ничего сложного, правда?

Я посмотрела девочке в глаза. Несколько секунд Аня тарасилась на меня, потом отвела взгляд. Ну вот и ладушки. Что дети, что волки – все устроены одинаково...

Наконец мы добрались до музыкальной школы. Аня быстро отстегнула ремень безопасности, распахнула дверцу и выпрыгнула из машины. Я пулей вылетела вслед за ребенком и едва успела схватить девочку за руку.

– Вы что?! – Аня старалась вырвать руку и тарасилась на меня. – Отпустите сейчас же! Я заметила, что на нас начинают обращать внимание прохожие – кто-то смотрел в нашу сторону, кто-то уже замедлял шаг. Так, еще минута – и меня примут за похитителя детей.

– Аня, мы договорились, что вы не будете покидать машину без моей команды!

Девочка оскалила мелкие белые зубки:

– Все равно не буду вас слушаться! Вот скажу маме, она вас уволит и наймет другого телохранителя!

– Ладно, а до тех пор ты будешь меня слушаться. Пока меня никто не уволил и я отвечаю за твою безопасность. Ясно?

Девочка неохотно кивнула, но все же позволила отвести себя в здание музыкальной школы. Я не обнаружила в музыкальной школе никакой охраны, кроме бабульки в пуховом платке, продававшей медицинские бахилы. Поэтому я решила никуда не уезжать, а провести час занятий здесь, в холле.

Проводив Аню в класс, я вышла к машине и велела Степанычу подъезжать за нами к восьми.

– Ладунки, а я пока в магазин смотаюсь, – жизнерадостно сообщил мне водитель и газанул с места. Честно говоря, мне не очень нравилась манера Семена мотаться по своим делам на служебном автомобиле. По-хорошему, Степаныч должен был провести этот час здесь, со мной, охраняя машину. Надо будет сказать об этом Катерине...

Я вернулась в здание, устроилась на неудобной скамеечке, предназначенной для родителей, и посвятила следующий час размышлениям на тему, как лучше выстроить отношения с близнецами. Мне вовсе не улыбалось постоянно доказывать им свою силу, подтверждать авторитет и тому подобное.

В общем-то, мне все равно, уважают меня эти избалованные дети или нет. Проблема заключается в том, что они меня не слушаются. И если возникнет критическая ситуация, мне придется расплыть внимание: тратить время и силы, чтобы обезвредить противника и чтобы заставить детишек делать то, что нужно для спасения их маленьких жизней. Нет, так нельзя. Придется что-нибудь придумать. Нужно превратить близнецов из противников в союзников. А как этого добиться?

Когда-то давно, в самом начале своей карьеры телохранителя, я уже охраняла семью с детьми. Я не люблю об этом вспоминать.

Меня нанял местный предприниматель по фамилии Кошкин. Поскольку его уже нет на свете, а история эта в Тарасове ни для кого не секрет, я могу ее рассказать. Кошкин еще с девяностых вел совместный бизнес с одним местным авторитетом. Совместный – громко сказано. Кошкин владел сетью гостиниц при заправах, а его компаньон – погоняло Вишня – раз в месяц приезжал и забирал половину выручки. Кошкин терпеливо платил до тех пор, пока к нему не пришел другой авторитет – Сережа Седой – и не предложил сменить «крышу», обещая всяческие бонусы. Кошкин подумал и согласился. После этого два авторитета отправились за город выяснять отношения в лучших традициях вышеупомянутых девяностых. Сюрпризом для бедного Кошкина стало то, что оба упыря как-то подозрительно легко сговорились между собой. Теперь Кошкин был кругом виноват. Один из криминальных партнеров тыкал ему стволом в зубы и кричал: «Ты чего меня кинул? Ты меня за лоха держишь, сука?!», а второй утверждал, что Кошкин влетел в блудняк и теперь вообще по жизни ему должен. Кошкин обратился в полицию.

На этой стадии коммерсант и нанял меня. У него были старушка-мать, жена и трое несовершеннолетних детей.

Я посоветовала Кошкину отправить семью подальше от Тарасова, лучше всего за границу, и уехать на время самому, предоставив полиции действовать. Коммерсант отказался, заявив, что в состоянии позаботиться о безопасности своих близких.

К сожалению, Кошкин ошибался. Машина, в которой он ехал вместе со старшим сыном и младшей дочкой, подорвалась на подъезде к дому. Сам Кошкин погиб, его мать умерла на следующий день от инсульта, сын остался инвалидом, и только младшая девочка отделалась переломом руки и легким сотрясением.

Я ехала во второй машине вместе с женой Кошкина и средним сыном. Мне удалось задержать двоих киллеров, которые неосмотрительно подошли к автомобилям, для того чтобы прикончить оставшихся в живых.

Киллеры в полиции указали на заказчика.

Вишня был арестован и получил срок сразу за все предыдущие деяния. Сережа Седой – мозг всей этой операции по разводке коммерсанта – вскоре погиб при невыясненных обстоятельствах.

Вдова Кошкина ни в чем меня не винила. Напротив, она была благодарна мне за спасение жизней ее детей, ведь киллеры прикончили бы всех нас. Тихая домохозяйка разительно переменялась с того страшного дня. Она взяла в свои руки бизнес покойного мужа и сделала его процветающим, жестко отжимая конкурентов с рынка гостиничных услуг и не брезгуя довольно некрасивыми методами. Зато теперь мадам Кошкина – одна из самых состоятельных бизнес-леди Тарасова. Дочка ее учится в Англии и собирается остаться там навсегда. Старший сын перенес несколько операций. Он все равно остался глубоким инвалидом, но помогает матери в ведении бизнеса.

Средний мальчик пошел в армию, несмотря на протесты матери, а теперь служит в полиции. Иногда мы перезваниваемся.

Я так и не выяснила, что же на самом деле случилось с Сережей Седым. Честно говоря, не стала выяснять. В те несколько дней, которые я провела с семьей Кошкиных, я сама научила среднего мальчика стрелять...

Каждый год в день, когда произошла трагедия, Кошкины зовут меня в гости. Иногда я прихожу, иногда мне удается отговориться недостатком времени. Семья устраивает поминки, и я каждый раз чувствую себя виноватой. Если бы я смогла уговорить Кошкина прислушаться к моим словам, все было бы по-другому...

Я не допущу, чтобы такое случилось с семьей Гольцовых. Нравятся мне эти люди или нет – совершенно неважно. Пусть они темнят, напрямую лгут мне, скрывают от меня свои тайны – плевать! Я сделаю все, чтобы защитить их от беды. Ну, а пока я кое-что придумала. В детской психологии я не специалист, но зато отлично помню собственное детство...

Степаныч приехал с пятиминутным опозданием. Мне пришлось дважды выглянуть на стоянку. Я с трудом удерживала в помещении девочку, которой не терпелось выскочить на улицу. Наконец подъехала машина.

– Заждались, красавицы? – весело приветствовал нас Степаныч, тяжело выбираясь из салона. – А я за подарком ездил для внучки. Чего, думаю, время терять? Ну, а в торговом центре такая очередь в кассу, народ прямо с ума посходил! Вы уж не сердитесь, красавицы!

И водитель широко улыбнулся.

Я дождалась, пока Аня заберется в машину. Пока девочка возилась с ремнями, я пома-нила Степаныча пальцем. Водитель склонился ко мне.

– Семен Степанович, вы в курсе, что происходит? – спросила я, не обращая внимания на его улыбку.

– А чего происходит? – не понял шофер.

– Семье Гольцовых угрожает опасность. Катерина Ивановна наняла меня для охраны. Какие-то люди бродят вокруг дома. В саду появляются странные личности. Вам этого мало?

– Так я чего? – напрягся Степаныч. – Я же не охранник. Вот ты и охраняй...

Я сжала зубы.

- От вас тоже многое зависит. Прошу вас больше не уезжать по каким-то делам – это первое. Пожалуйста, не опаздывайте больше. Это второе.
- А на третье – компот? – попытался пошутить шофер.
- А третье – не оставляйте машину без присмотра. Вот вы были в торговом центре, а машина стояла где?
- На стоянке, где же еще! – захлопал глазами Степаныч.
- Правильно, и любой мог подойти к ней и что угодно сделать.
- Степаныч изменился в лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.